

Юрий Бычков

ПЕРВАЯ ПОЦЕЛУЙ

Юрий Александрович Бычков

Прерванный поцелуй

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55353877

Прерванный поцелуй. Рассказы о любви. / Бычков Ю.А.: Пробел-2000;

Москва; 2013

ISBN 78-5-98604-381-4

Аннотация

Рассказы о любви – к женщине, к людям, к родной земле, к жизни. «Избранное» из книг Ю.А. Быčkова: «Бог – что захочет, человек – что сможет», «В жизни чего только не бывает».

Содержание

Прерванный поцелуй	4
Слава	13
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Бычков

Прерванный поцелуй.

Рассказы о любви

Прерванный поцелуй

Май. До звона в ушах, смачно цокает, сладкозвучной флейтой заливается, выводя роскошные музыкальные трели, пускает окрест дробь, раскаты, клыканье и пленканье засевавший в кустах сиреней бабы-Дуниного палисадника соловей. Он, как гласит пословица: «Поёт – себя тешит». Да и нас с Люськой Марасановой зацепил; пардон, пардон, как можно так, по-мальчишески, Людмилу Васильевну, знатную словесницу, директора школы рабочей молодежи называть?! У меня настроение, как у соловья, что в сирени за оградой палисада: тихонечко вполголоса, со всей нежностью, на какую способен, почти на ухо Люсе пою:

*Услышь меня, хорошая.
Услышь меня, пригожая.
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...*

Вторю, так сказать, любезному соловушке. А Люся и

впрямь хороша: пышная, ладная, статная, осанистая. Чуть полновата: природа-мать не пожалела добротного материала – всё в ней в пропорции идеальной. О ней на Лопасне говорят: прелестная, пригожая да ещё с присыпочкой. Шёл её проводить до дома, мы оба с Почтовой, её дом в верхней части улицы на нечётной стороне, мой – в нижней. Шли, разговаривали и тут нас, не очень-то уже молодых людей, и оглушил своим хрустальным, сладкозвучным пением злодей-соловей.

– Ишь, шустрый какой! На всю округу кричит – подругу, видишь ли, вызывает на любовное свидание. Приспичило ему. Нет терпения, и всё тут, – вышучиваю соловья, сам, не плоше голосистой птахи, льну к Людмиле Васильевне.

Она рядом и такая манящая! Стоим, переминаясь, у решётчатой изгороди палисадника бабы Груши Никишиной. Каждое нечаянное прикосновение к Людмиле приводит меня в эйфорию, радостное состояние и волнение, ожидание большего, что ли. Сквозь тонкий, облегающий её плоть крепдешин, только притронулся к женскому плечу, ток горячей крови обжёг меня. Темперамент Люси мне, в сущности, незнаком; сердечность её в обыденных отношениях, прикрываемая добродушной насмешливостью, учительским, покровительственным тоном, тут заговорила в полный голос. Душные, призрачные майские сумерки, вот он, темперамент, и разыграл, что резвый младенец во чреве. А кто расхлёбывать будет то, что поджёг провокатор нежных чувств – соловей?

Не думал не гадал, что такое случится: овладело мной совершенно неожиданно чувство особой, сердечной приязни, полного душевного согласия с той, что в школьные годы была для меня недоступной девушкой из старшего класса, а теперь, по прошествии стольких лет, мне она словно родная. Не от того ли, что стоим, прижавшись друг к другу, возле ограды бабы-Дуниного палисадника на Почтовой улице, улице нашего, её и моего, детства-юности.

От реки Лопасни, где берёт начало улица, до верха, где возвышается пожарная каланча, а если быть точным: до того места, где, изогнувшись глаголем, немощёная Почтовая упирается в асфальтовую ленту Симферопольского шоссе, я не хаживал незнамо сколько лет. Навещал, приезжая из Москвы, родителей да друга-наставника Володю Милькова, а чтоб пройтись вдоль по нашей улице – такого не случалось. Оттого, наверное, присутствие моё в срединной части Почтовой, вблизи марасановского подворья, поразило меня важным личным открытием: улица эта для нас с Люсей и есть та самая малая родина. Мало осознать подобную истину, её надо как следует прочувствовать.

Сирень в палисаде бабы-Дуниного дома

Когда в городе, в очереди за билетами в кино, в магазинной толчее женщина без возраста простецки окликнет иной раз: «Молодой человек!» – подумаешь: «Льстит мне гражданочка – не такой уж и молодой». Время моё катит к пятидесяти. Дети подросли. Встали на крыло. А вот попробуй, поспорь с народной мудростью насчет того, что седина в бороде, а бес в ребро. Ах, этот майский вечер-греховодник! Да он, вечер, по-своему прав. Он не по легкомыслию только, как покажет ход событий, толкнул нас к внезапному сближению. Мы доселе были лишь далёкими соседями на Почтовой, в двух её концах, да ещё нечто дорогое теплилось в глубине души – Генка Лучкин, мой сподвижник в играх и дружбе, оказывается, родственник Люси Марасановой. Были, были

причины к нашему запоздалому сближению. Боже, как хорошо ощутить себя вновь молодым! «Стоп! Не заводись!» – остудил я себя.

В сгущающейся синеве майского вечера, щедро озвученного соловьиным пением, мы в чувственном порыве, повернулись друг к другу, взяли за руки, насторожились. Соловей требовал к себе внимания.

– О! Лешего дудка!

– За ней, Люся, слушай, вот сейчас, сию минуту, он примется за «Кукушкин перелёт»!

– Тише, – требовательно зашептала она на ухо, – спугнёшь его своим рокочущим басом.

– Соловей, когда поёт, ничего не слышит. Есть такое сложноподчинённое словечко «самозабвение» – это про него.

– Юра, милый, помолчи пред ответственным порханием с придыханием «Кукушкиного перелёта».

Я подумал было, чем перекрыть ее литературный изыск, но в этот миг, единый миг, неясная ладонь Люси закрыла мне рот.

– Чтобы много не говорил...

– А я ручку ласковую твою отведу от уст моих и приникну к устам твоим – ты и я на время онемеем и не будем мешать соловью исполнять «Кукушкин перелёт».

Несколько долгих сладких мгновений, мне особо памятных, длился наш сладкий поцелуй.

Соловей

Вдруг она встрепенулась, как птица, и заговорила возбужденно:

– Юра, милый, что же я раньше не догадалась...

– О чём ты, Люся?

– У меня по дому Васильчиковых душа болит. Школу мою закрывают. Незачем школу держать, поскольку учеников – раз, два и обчёлся... Дом Васильчиковых, как только нас окончательно прикроют, останется бесхозным и будет разобран по камешку, по кирпичику гражданами на хозяйственные нужды. Путь спасения один – музеефикация и это может совершить только мелиховский музей Антона Павловича Чехова, твоя энергия, Юрий Александрович.

Авдеев, директор музея, отнёсся к предложению, мной

ему доложенному, как к идее насбыточной. Но «тормозом» быть не пожелал, поскольку он меня заполучил в качестве заместителя по научной работе с расчётом на то, что буду его сменщиком. Поднажал я на директора. Дескать, реставрация-реконструкция – дело долгое, вас это, Юрий Константинович, и не коснётся, а столь ценное здание, памятник архитектуры, даст желаемый простор, высокий престиж чеховской литературной экспозиции, которую можно в будущем развернуть в доме Васильчиковых.

– Тебе жить – тебе и вершить! – сдался Авдеев. – Поезжай с моим благословением к Азарову и пусть он решает. Нам без области такое не поднять.

Виктор Яковлевич Азаров принял меня сердечно: для него бесхозный памятник архитектуры (таковым дом Васильчиковых становился после закрытия вечерней школы) – большая головная боль. Он попросил, не выходя из кабинета начальника областного управления культуры, написать на его имя обращение о включении здания в перспективный план реставрации с последующей музеефикацией. Бумагу мою он украсил императивной резолюцией, и бюрократический механизм обработал её с надлежащей аккуратностью. Дом стал числиться в списках объектов, подлежащих реставрации и музеефикации. В 1995 году, уже будучи директором Музея-заповедника А.П. Чехова, я подписал акт о приемке на баланс переданного в хозяйственное ведение дома Васильчиковых. Не стану перечислять передрыг, связа-

ных с реальным, а не только бумажным обретением дома Васильчиковых. Об этом как-нибудь в другой раз.

Тот прерванный поцелуй – дорогого стоит...

Ах, если бы не случилось тридцать лет тому назад нечаянной встречи с Людмилой Васильевной Марсановой? Если бы не соловьиный концерт и прерванный поцелуй?!

Многострадальный дом Васильчиковых-Гончаровых до реставрации. Теперь – филиал меликовского музея-заповед-

Кто знает, чем бы кончилась история лопасненского дома Васильчиковых? Его в девяностых годах и поджигали и разоряли. Вполне могли «хозяйственные» граждане растащить дом по камешку, по кирпичику, как растащили они многочисленные каменные постройки и службы богатого имения Васильчиковых-Гончаровых, о чём сегодня приходится горько сожалеть. Очень бы онигодились филиалу мелиховского музея, дому Васильчиковых, называемому в народе Пушкинским гнездом.

Слава

Луговы, Софья Ивановна и Пётр Липатович, воскресным летним солнечным днём, взяв меня за руки, она за правую, он за левую, прогуливают племянника по аллеям Центрального парка. На входе мне, существу малышу (от горшка два вершка), показалась великаншей из сказки прохлаждающаяся среди фонтанов бронзовая «Девушка с веслом». Небесное светило, которому мы всем обязаны, жарило нещадно. Дублёры-родители купили мне и себе сплошь облитое шоколадом мороженое «эскимо». Название этого прелестного продукта от обитающих за Полярным кругом эскимосов, народа, не боящегося холода. Сидим на скамейке – уплетаем мороженое, я от радости болтаю ногами и дивлюсь на высоченную, стройную, могучую бронзовую спортсменку. Из репродуктора льётся бодрая музыка.

Соне и Пете кажется, что мне интересно будет в королевстве кривых зеркал. Они ведут не искушённого в тайнах оптического обмана мальчугана в комнату смеха. Прихотливо изогнутые зеркала искажают, уродуют человеческие лица и фигуры. Параболическая форма зеркального стекла в несколько раз сокращает и без того мой малый рост – расплюснутое по грязному, затоптанному полу существо пугает, расстраивает меня, и я реву. Тотчас покидаем невесёлый дощатый дом. Меня больше привлекает другой аттракцион

– чёртово колесо. Почему оно чёртово? Может, в память о кузнеце Вакуле, которого волшебным образом чёрт в повести Гоголя несёт по поднебесью прямо во дворец царицы за черевичками. В раскачивающейся кабине мы оказываемся в высшей точке подъёма под облака. Облаков нет, и мы обзираем чётко распланированные просторы Центрального парка культуры и отдыха, серебрящуюся ленту Москва-реки, лодки с людьми на пруду под нами, а чуть дальше лес – в нём домики, беседки, скамьи, ровные дорожки.

Памятный поход в ЦПКО предвоенного времени сливается в сознании с ремаркой, пояснением, открывающим первую картину первого действия пьесы Виктора Гусева «Слава». В 1948 году драматическая студия при Лопасненском районном доме культуры купалась в «Славе». В ремарке много пересечений с тем, что отложилось в моей памяти и памяти людей старшего поколения. Центральный парк был, как нынче принято говорить, визитной карточкой столицы – сверкал казовой, парадной стороной, приметами нового времени, громким радио например, и в то же время традиционным для этого зеленого, лесистого берега Москва-реки лирической составляющей. Зелёный театр «Шестигранник», Нескучный сад, Пушкинская набережная – от одних названий голова кружится.

ЦПКО предвоенного времени

Итак, ремарка.

«Парк культуры и отдыха». Беседка. Вид на Москву-реку. Вечер. Огни лодок, звёзды. Далёкая музыка парка. В беседке громкоговоритель. Он пока молчит». Романтический пассаж: с китчем – громкоговоритель в беседке. Драматург непринуждённо в знакомой многим и многим его современникам атмосфере представляет главных героев пьесы: их реплики словно прелестный дуэт из музыкальной комедии.

Герои пьесы «Слава» – Василий Мотыльков, инженер-сапёр, и его невеста Лена Медведева, лётчица военного инженерного института, впервые предстают перед зрителями на аллеях Центрального парка. В их фамилиях авторское весё-

лое озорство: Мотыльков – роет землю, он сапёр, Медведева – лётчица, она парит в облаках.

Лена:

Уф, я устала!

МОТЫЛЬКОВ:

*Прошу вас, посидите,
Товарищ будущая жена.
Скамья. Природа. Громкоговоритель.
Значит – гарантирована тишина.*

Лена:

Москва красивая.

МОТЫЛЬКОВ:

Вечер к лицу ей.

Лена:

В домах за рекою огни зажглись.

МОТЫЛЬКОВ:

Люди работают.

Лена:

Смеются.

МОТЫЛЬКОВ:

Танцуют.

Лена:

И все это вместе называется жизнь.

Это лирический запев, а далее пронизанный самоиронией и обожанием невесты дуэт Мотылькова с весьма самодовольной, плоховато слышащей его лётчицей Еленой Медведевой.

Лена:

Завтра полёты.

МОТЫЛЬКОВ:

А когда их нету?

Жизнь моя, ты пройдёшь одиноко!

Буду в земле тебя коротать.

Ведь Лена – лётчица. Птица. Сокол.

И как таковой позабудет крота.

Лена:

А разве ты крот?

МОТЫЛЬКОВ:

*Безусловный и очевидный.
Ты с ветром заводишь заоблачный спор.
А я? Да мне и признаться стыдно.
Ведь, если вдуматься, кто я? Сапёр.
Ну, я подрывник. Я взрываю скалы.
Но это ведь проза. Пришёл и взорвал.*

Тут острый момент – лётчица натягивает вожжи, начинает над ним насмешничать, жених её раздражает тем, что прикидывается маленьким, жалким!

Лена:

Да, не такого я в жизни искала.

МОТЫЛЬКОВ:

*Тебе как минимум нужен шквал.
Ты вырвалась вверх из земного плена,
Ты слышишь тучи громовой клич.
А я? Я самый обыкновенный,
Ничем не отмеченный в жизни москвич.
Лётчица, кто я с тобою рядом?
Крошка. Мелочь. Ну прямо хоть плачь.*

Время событий, трактуемых в пьесе, – середина тридцатых годов, время героев-лётчиков, героинь-лётчиц. Снявшие со льдины челюскинцев лётчики Леваневский, Ляпи-

девский, Слепнёв, Молоков, Каманин, Водопьянов, Доронин стали первыми героями Советского Союза. В составе военно-воздушных сил и гражданской авиации с начала тридцатых годов заявляют о себе талантливые, бесстрашные лётчицы. Им посвящают песни и стихи («Всё выше, выше и выше стремим мы полёт наших птиц...»). В «Славе» Виктора Гусева – предощущение свершений: перелётов Севастополь – Архангельск Полины Осипенко, Москва – Комсомольск-на-Амуре Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой. Взгляд Мотылькова на Лену снизу вверх оправдан. Покорителей неба боготворили. Москва шумно встречала героев после завершения легендарных перелётов. Инженер-подрывник Мотыльков наверняка мог так ревновать – ревновать к небу. А Лене ничего не оставалось, как насмешничать.

Лена:

Новое в зоологии. Крот-оратор.

И даже не оратор, крот-трепач.

Мотыльков:

Шутки в сторону, Ленка!

Лишь только в небо

Ты улетаешь – я сам не свой.

Что б я ни делал, где бы я ни был,

*Я поднимаюсь вслед за тобой.
Я невидимкой делаюсь, таю,
Мчусь. Подо мной города, поля.
Я вокруг твоего самолёта летаю,
Как вокруг солнца летает земля.*

Лена:

Не замечала.

МОТЫЛЬКОВ:

Где ж тут заметить!

Наконец-то она почувствовала его состояние.

Лена:

Согрей мне руку. Замёрзла рука.

МОТЫЛЬКОВ:

*И разве ты Ленка? Ты дымка. Ветер.
Самолёт, улетающий в облака.
Всю жизнь мы рядом должны быть. Вместе.*

Лена:

Всю жизнь?

МОТЫЛЬКОВ:

*Не такой уж долгий срок.
А у тебя такая профессия —
Она состоит из разлук и дорог.
Нет, я не мечтаю о тихой минуте:
Я, ты, самовар на столе...*

(Ничего не могу с собой поделаться – слышу голос Володи Бушуева, воплощавшего на лопасненской сцене Мотылькова, вижу его будто воочию: открытого навстречу людям, естественного человека).

В пьесе есть другого сорта персонаж-карьерист – Николай Маяк. Он, как и Мотыльков, инженер-подрывник, и слава героев его грызёт, он во чтобы то ни стало хочет прославиться.

В.С. Бушнев

А.В. Макаров

Начальник военно-инженерного института Тарас Петрович Очерет по очереди вызывает на ковёр Николая Маяка и Василия Мотылькова. Честолюбие, эгоизм Маяка на поверхности.

Маяк:

*Не пройдёт и двух часов,
Самолёты взлетят. Нет их песен звонче!
Для меня сейчас в этом деле всё:*

*Или я лечу, или я окончен.
(Заметив удивлённое движение Очерета)
Я не так сказал. Не хватает слов:
Прошу вас, отдайте приказ: к полёту!*

Очерет:

*Так, ну, скажите, а Мотыльков
Способен выполнить эту работу?
В нём найдётся кусочек огня,
Достаточный для совершения взрыва?*

Маяк:

*Ваш вопрос удивляет меня.
Мне б одному поручить могли вы...*

Очерет:

Прошу вас, на мой вопрос ответьте...

Маяк:

Он мой друг. Не мне говорить о нём.

Как следует понимать эту уклончивость? Ненадёжен Мотыльков? Маяк в нем не вполне уверен? И Очерет вызывает Мотылькова.

Очерет:

Ну-с, Мотыльков, как живёте?

МОТЫЛЬКОВ:

Живём.

Полное отсутствие пафоса. Спокоен и прямодушен.

Очерет:

Вы догадываетесь в чём дело?

МОТЫЛЬКОВ:

Всё ясно, товарищ начальник, без слов.

Очерет:

Надо действовать. Быстро и смело.

Вы готовы к этой работе?

МОТЫЛЬКОВ:

Готов.

Но Маяк...

Очерет:

Разговор не о нём сейчас.

Вы готовы?

МОТЫЛЬКОВ:

Готов.

Пьеса «Слава» и все другие пьесы и сценарии Виктора Гусева, к удивлению и сожалению, нынче не в ходу. Как полузабытый стратегический запас отечественной духовности этот термос с историческим бульоном, на котором этикетка: «Победоносный оптимизм социалистической эпохи» – хранится в запасниках страны. Именно это качество – исторический оптимизм оценили в пьесах и киносценариях современники драматурга Виктора Михайловича Гусева. Существо драматической коллизии, острая фабула пьесы в стихах «Слава», постоянная переключка компонентов драмы с созидательным пафосом времени первых пятилеток – не изжившая себя история тридцатых годов двадцатого столетия, опыт героического поколения.

Борясь с коррупцией, сегодня, а не когда-нибудь, первый план в искусствах должны занять люди чести, доблести, впечатляющего созидательного потенциала. Таков социальный заказ нынешней эпохи. России необходим взлёт, а не натужное выползание из мирового кризиса. Следственно, необходимо духоподъёмное искусство, а не бесконечные сериалы о бандитах и сыщиках. Необходим концептуальный оптимизм сродни заразной вере поэта Виктора Гусева в победоносность, в творческий гений талантливой русской нации.

Автор пьесы «Слава» – Виктор Гусев

Спектакль наш мог не получиться, если бы игравший Мотылькова Владимир Степанович Бушуев попытался бы играть, не будучи профессиональным артистом, замечательно написанный драматургом образ естественного человека. Он же не играл – он был самим собой. Зрительскую симпатию вызывало само появление на сцене Бушуева. Высокий, стройный, ладный, приветливый Владимир Степанович вызывал к себе уважение, симпатию. В Лопасне его знали буквально все. Секретарь Лопасненского райисполкома Бушуев не считал зазорным для себя играть на сцене, лицедейство-

вать. То, как говорил, думал, понимал людей, дружил Бушуев, совпало с Мотыльковым, будто с него, Владимира Степановича, мерку снял Виктор Гусев. И ещё: правдоподобен был Мотыльков потому, что исполнитель этой роли Владимир Бушуев всю жизнь пребывал в гуще народной жизни. В годы войны совсем молодого Бушуева-комсомольца поставили руководить Райуполнар-комзагом. Надо эту бюрократическую аббревиатуру разжувати. Если коротко, то сие означало: «всё для фронта, всё для победы» в действии.

Все госпоставки прокручивались через эту контору, роль и значение которой трудно переоценить! Одно дело вырастить хлеб, другое – взять его у земледельцев и погрузить на станции Лопасня в вагоны. Тут лёгкий характер, балагурство, ухажёрство, расторопность, образованность молодого начальника были как нельзя кстати. Под началом Владимира Степановича работала моя мама. Бушуев и за ней ухаживал. Как успевал он с этим самым ухажёрством, трудно себе представить. По малолетству я не вникал, не знаю, сколь он преуспевал в этом направлении, но женское обожание в районном масштабе явно способствовало успеху дела заготовки сельхозпродуктов для фронта и тыла.

Большая загадка для меня по сей день, как угораздило режиссёра назначить меня, девятиклассника Лопасненской средней школы, на роль полковника Очерета! Напялить на голову парик – седая голова с залысинами, обрядить в галифе, высокие кожаные сапоги, гимнастёрку с четырьмя пол-

ковничьими шпалами в петлицах воротника, подпоясать широким командирским ремнём и ничтоже сумняшеся, в соответствии с ремаркой: «Перед занавесом начальник Военно-инженерного института Тарас Петрович Очерет говорит речь слушателям института, как бы находящимся в зрительном зале» – выпихнуть на авансцену, произносить монолог.

Наш девятый класс

По годам и десятилетиям ступая, словно по лестнице, изредка вспоминаю, как в свете рампы, фактически ничего не видя перед собой, стоял и отрывисто, страшно волнуясь, бро-

сал слова в зрительный зал, сплошь состоящий из людей, знавших меня не один год. Зал напряжённо вслушивался в то, что внушал седоусый полковник, подозрительно похожий на некоего старшекласника, по субботам исправно являвшегося в дом культуры на танцы. Удивительное дело, зал не протестовал – не шикал, не выкрикивал «ату его!», не топал ногами, не обсуждал вслух это вызывающее появление на авансцене преобразённого в воинского начальника Юрку Бычкова. После первых же слов монолога Очерета (их несколько в пьесе «Слава», и как я их выучил, знал на память, сие непонятно мне сегодня) зал замолк и каменно молчал, пока я терзал его не слишком лёгким для восприятия текстом:

Очерет:

*Ночью по склонам бродила гроза,
Свергая скалы, деревья ломая,
Лавина нависла, как туча, грозя
Гидростанции «Первое мая»
И поселку рядом, когда
На него половина горы
Двинется глиной и камнем рыжея.
Да, только взрыв, немедленный взрыв
Может рассеять это движенье.
Взрыв! И его произвести
Поручено нашему институту.
Время рассчитано до минуты.
Сразиться с природой слепую, седую
Одиннадцати придётся из вас,*

*Вы к ней подползёте, проникнете в щели.
Ну, а потом, а потом аммонал
Лавину свернёт и швырнёт в ущелье...*

Оказавшись в октябре 2008 года на Этне, узнал, что таким же взрывным способом итальянцам в 2001 году удалось повернуть раскалённую лаву, которая грозила городу на склоне вулкана.

За первым, ключевым, монологом по пьесе следовал поиск Очеретом ответа, кому возглавить операцию по подрыву лавины: Николаю Маяку или Василию Мотылькову?

Исполнители ролей двух инженеров-подрывников занимают в реальной жизни высокие должности, они к тому же вдвое старше меня. Произносить монолог, в котором речь идёт о жизни и смерти сотен людей, судьбе электростанции, вести беседы, выясняя нравственную готовность к полноценному выполнению задания, можно только, что-то существенное имея за душой, опираясь на собственный жизненный опыт и нравственный багаж. Чем я располагал к тому времени? Что позволяло быть, а не казаться убедительным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.